

Вклад разных научных дисциплин в развитие нарративной экономики

Одной из первых научных публикаций, целиком посвященных нарративной экономике, была статья известного американского экономиста, лауреата Нобелевской премии по экономике за 2013 г. Роберта Шиллера, опубликованная в журнале «American Economic Review» [1]. В основу данной статьи было положено выступление ученого перед членами Американской экономической ассоциации в 2017 г. [2, с. 25]. Надо сказать, что тему нарративной экономики Р. Шиллер в той или иной мере затрагивал также и в двух монографиях, написанных им совместно с Джорджем Акерлофом: «Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма» (2009 г.) и «Охота на простака. Экономика манипуляций и обмана» (2015 г.). Во второй книге впервые был изложен «обобщенный способ описать ментальные рамки, внутри которых принимаются решения» [3, с. 228]. Вот как, в частности, об этом говорят авторы книги: «С одной стороны, мы учитываем заблуждения, включенные в перечень мотивов при-

Вячеслав Щербин,
ведущий научный сотрудник
Центра системного анализа
и стратегических исследований
НАН Беларуси, кандидат
филологических наук

нятия нерациональных решений, с другой – подходим к проблеме с гораздо более широких позиций. Этот более масштабный подход стал возможен в результате исследования ментальных рамок, лежащих в основе принятия решений. Мы называем их «историями, которые люди рассказывают самим себе». <...> А поскольку наши решения основываются в основном на историях, рассказанных самим себе, о ситуациях, в которые мы попадаем, это дает нам исчерпывающую характеристику мотивов, позволяющую понять..., что люди достаточно часто принимают решения исходя из побуждений, очень далеких от максимизации их личного благосостояния. Эти истории легко преобразуются под влиянием

манипуляций. Просто измените фокус внимания человека, и он изменит свое решение» [3, с. 228–229].

Однако в наиболее полном и систематизированном виде тема нарративной экономики впервые была изложена в книге Р. Шиллера «Narrative Economics. How Stories Go Viral and Drive Major Economic Events» (2019 г.). Перевод этой книги на русский язык издательством «Эксмо» был опубликован под названием «Нарративная экономика. Новая наука о влиянии вирусных историй на экономические события» [2]. Данная книга и послужила для нас основным источником сведений об этом новейшем направлении экономической науки. В ней Р. Шиллер развил далее описанный выше «масштабный подход»

и показал, что современная нарративная экономика является методологическим синтезом целого ряда дисциплинарных подходов: «За последние полвека в различных общественных науках сформировалось большое количество течений, сторонники которых подчеркивают важность исследования популярных в обществе нарративов. К ним в числе прочих относятся такие направления научной мысли, как нарративная психология, повествовательная социология, анализ нарративов в психоанализе, изучение нарративов в религиоведении, нарративная криминология, фольклористика, сарафанный маркетинг. Основная идея, объединяющая все эти течения, состоит в том, что большинство людей, если спросить их о целях или жизненной философии, практически ничего сказать не готовы. Но они охотно рассказывают личные истории, по которым можно судить об их истинных ценностях» [2, с. 43].

Ключевые составляющие нарративной экономики

На наш взгляд, к числу дисциплинарных подходов, играющих определяющую роль в процессах формирования и развития современной нарративной экономики, можно отнести те методологии, которые разрабатывались в рамках следующих научных дисциплин.

История экономических учений (больших нарративов). В своей книге Р. Шиллер трезво оценивает возможности данной дисциплины для успешного решения проблем нарративной экономики: «...курс истории экономической мысли, какую бы ценность она ни представляла, затрагивает

лишь вершину айсберга экономических теорий и не исследует то, о чем думали миллионы простых граждан. История изучает трактаты об оптимальном вмешательстве государства на уровне рынков, а вовсе не то, как обычные люди изо дня в день принимают экономические решения, пребывая то в состоянии воодушевления, то в нерешительности» [2, с. 8]. В то же время недооценивать вклад истории экономических учений в формирование нарративной экономики нельзя, поскольку именно эта дисциплина изучает такой тип экономических нарративов, как большие нарративы (экономические учения, социально-экономические формации), на которых «может зиждиться структура знания целой цивилизации» [4, с. 524].

В последнее время российские культурологи все чаще пишут о «необходимости “антропологического поворота” в гуманитарных науках, подразумевающего отказ от больших нарративов и понятийного эссенциализма в пользу обращения к истории людей» [5, с. 234]. Наблюдается данный «поворот» и в учебных аудиториях западных университетов: «На семинарах по экономике вопрос “Что у тебя за история?” – это призыв перейти на более низкий уровень абстракции, поближе к эпизодам из обычной жизни людей» [6, с. 22]. В частности, для французского философа Ж.-Ф. Лиотара, по свидетельству И.П. Ильина, «век постмодернизма в целом характеризуется эрозией веры в «великие метаповествования», в легитимирующие, объединяющие и «тотализирующие» представления о современности. Сегодня «мы являемся свидетелями раздробления», расщепления «великих историй», появления множества более простых, мелких, локальных «историй-

рассказов»; смысл этих «крайне парадоксальных» по своей природе повествований – не узаконить знание, а «драматизировать наше понимание кризиса», и прежде всего кризиса детерминизма, который сохранился только в виде «маленьких островков» в мире всеобщей нестабильности, когда все внимание концентрируется на «единичных фактах», «несоизмеримых величинах» и «локальных» процессах» [7, с. 252].

Нарратология как наука, изучающая узкодисциплинарные и персональные истории (малые нарративы). По свидетельству российского исследователя В. Тюпы, она «представляет собой весьма обширную область научного поиска в области сюжетно-повествовательных высказываний (дискурсов), соотносимых с некоторой фабулой (историей, интригой). Речь идет не только о художественных текстах и порой даже не только о текстах вербальных: усилиями историков, филологов, культурологов категория нарративности получила весьма широкое и богатое концептуальное наполнение» [8, с. 5]. Главным объектом изучения этой дисциплины является нарратив, под которым понимается «любой повествовательный текст, функция которого – информировать адресата о событиях. Это специфический тип изложения, который, в отличие от дескриптивного (описательного) или экспозиторного (объяснительного) типа, имеет сюжет. Именно «осюжеченные» тексты несут в себе кладезь информации, ценной для социального исследователя, для которого в первую очередь важны не фактуальные данные о событиях, не то, что излагает автор, а то, как он осмысливает и преподносит информацию значимому другому – своему собеседнику. <...> Изучая

нарративы, а значит сюжетные структуры, рефлексии над действительностью, исследователь может решать широкий круг задач. Например, изучать взаимосвязи между макро- и микроуровнями общества, процессы структуризации, социального (вос)производства и социальных изменений» [9, с. 95]. Поскольку все нарративы без исключения привязаны к конкретным тематическим ситуациям и в силу этого обладают определенными объективными характеристиками, вполне закономерен тот факт, что к настоящему времени сложилась их четкая дисциплинарная дифференциация: исторические нарративы изучает историческая нарратология, литературно-художественные – литературоведческая, социальные – социологическая (иногда ее называют повествовательной социологией), экономические – экономическая и т.д. Иными словами, «в широком поле нарративных данных могут работать исследователи из разных областей науки, это и психологи, и историки, и социологи, и этнографы и т.д. Но раньше всех на путь анализа нарративов встали литературоведы, поэтому все последующие методы анализа повествовательных текстов восходят к их опыту» [9, с. 95]. Весьма широк и перечень речевых жанров, имеющих «нарративную форму: тексты интервью, дневники, литературные произведения, рассказы пациентов на психотерапевтических сеансах, показания свидетелей, некрологи, рекламные тексты, новости на телевидении, тексты песен, анекдоты, любовные письма и т.д.» [9, с. 95].

Меметика как наука о психических (мозговых) вирусах (трактовка Р. Броди [10]) и мемах как аналогах культурных генов (трактовка Р. Докинза [11]).

В понимании меметики Р. Шиллер придерживался трактовки Р. Броди, что видно из следующего положения в его книге: «...мысли-вирусы ответственны за многие из изменений, которые мы наблюдаем в экономике. «История» нашего времени и нашей личной жизни постоянно меняется, а вместе с ней меняется и наше поведение» [2, с. 23]. В другом месте своей книги Р. Шиллер прямо пишет о том, что «экономический нарратив представляет собой «вирусную» историю, которая вполне способна повлиять на принимаемые людьми экономические решения: нанять ли нового работника или подождать более подходящего момента, пойти на большой риск или быть более осмотрительным в бизнесе, начать свой бизнес-проект или же вложить средства в волатильный спекулятивный актив» [2, с. 30].

В то же время среди современных экономистов достаточно распространенным является и понимание меметики как науки об экономических мемах. Ее апологетами еще в начале XXI в. ставилась задача по выявлению и устранению социально неэффективных решений, которые приобрели свойства экономических мемов: «Однажды принятое социально неэффективное решение становится устойчивым и определяет деятельность экономических субъектов в течение долгого времени. Экономическая система или ее часть начинает развиваться в таком направлении, которое в итоге ведет общество к кризису и упадку. Экономисты не выработали единую точку зрения по поводу возможности избежать такого развития событий» [12, с. 14]. Сходную мысль высказывает также Р. Шиллер: «...некоторые искаженные нарративы оказы-

вают экономическое влияние на целые поколения» [2, с. 18].

Экономическая риторика, в рамках которой изучаются разговоры экономистов. По мнению Д. Макклоски, автора книги «Риторика экономической науки» (2015 г.), «риторика не занимается Истиной непосредственно; она занимается разговором. Риторика – способ литературно анализировать разговоры экономистов и математиков точно так же, как разговоры поэтов и прозаиков. <...> Иными словами, гуманистическую традицию в западной цивилизации можно задействовать для понимания научной традиции» [6, с. 221]. И как свидетельствует российский экономист Д. Расков, «дискуссия по поводу этого метода, которая началась со статьи Д. Макклоски в 1983 г. в «Journal of Economic Literature», сегодня уже завершена. Риторическая концепция метода была признана и заняла достойное место в ряду других подходов к методологическому исследованию экономической теории» [13, с. 82].

Экономическое макропрогнозирование, традиционно осуществляемое путем анализа тенденций и мегатрендов, больших данных, экономических нарративов. В частности, относительно возможного использования результатов анализа экономических нарративов в целях прогнозирования экономического развития Р. Шиллер пишет следующее: «Нарративная экономика как учение о получивших широкое распространение в обществе суждениях, влияющих на экономическое поведение, может помочь точнее прогнозировать экономические изменения и подготовиться к ним. Кроме того, эти знания могут пригодиться для трансформации экономических институтов и разработки экономической политики» [2, с. 29].

Из издательской аннотации к книге можно узнать также следующее: «Роберт Шиллер первым обратил внимание на то, что экономические модели на базе вирусных историй – нарративы – получаются более точными. И получил за это Нобелевскую премию. Согласно его теории, благодаря изучению историй, подкрепленной верой людей и принимающих форму «информационной эпидемии», можно строить более точные прогнозы. Такие прогнозы способны подготовить человечество к экономическим потрясениям и уменьшить их потенциальный ущерб» [2, с. 4]. Более того, по мнению самого Р. Шиллера, прогнозы, основанные на результатах анализа экономических нарративов, в перспективе заменят используемые алгоритмы принятия решений: «Учитывая влияние, которое информационные технологии оказывают сегодня на ход распространения экономических нарративов, изменяющих мышление людей, можно предположить, что в дальнейшем масштаб этого влияния, вероятно, может значительно расширяться, а сами эти технологии заменят собой некоторые используемые людьми алгоритмы принятия решений» [2, с. 331].

Мультидисциплинарная методология описания и прогнозирования экономического развития

Проведенный нами анализ дисциплинарных подходов, наиболее повлиявших на формирование нарративной экономики, показывает, что все они очень тесно взаимодействуют между собой, образуя единую мультидисциплинарную методологию, при помощи которой специали-

сты, работающие в данной области, добиваются принципиально новых и более качественных результатов в процессах описания и прогнозирования экономического развития разных стран мира. В частности, такая методология позволяет активно использовать следующие виды анализа экономических нарративов: а) количественный, «в рамках которого определяется вирусность нарративов и их влияние прежде всего на макроэкономические процессы», и б) качественный, «где нарративы анализируются для выявления идей или упрощенных протомоделей, с помощью которых акторы объясняют экономические явления» [14, с. 119].

По свидетельству Р. Шиллера, «уже сегодня исследователи-экономисты пребывают в поиске оптимальных методик количественного анализа, которые помогли бы оценить влияние нарративов в экономике. Поиск по текстам – это достаточно узкая, но весьма перспективная методика. <...> Сервис Google Ngram создавался для подсчета количества упоминаний фраз и сопоставления результатов таких подсчетов по данным за разные периоды, но Ngram и другие сервисы могли бы сделать гораздо больше для обеспечения точности сопоставляемых показателей. Кроме того, нам следует осуществлять сбор данных об экономических нарративах на регулярной основе по крайней мере один раз в год, а лучше чаще. В дальнейшем подобные исследования должны проводиться в разных странах и на разных языках непрерывно на протяжении десятилетий» [2, с. 337–339]. (Более подробно о сервисе Google Ngram см. [15]).

В свою очередь, качественный анализ нарративов связан с «проводимыми на регулярной

основе фокусированными интервью, в ходе которых в ответ на наводящие вопросы респондентам предлагалось бы рассказывать подробные истории о своих экономических решениях» [2, с. 339]. Этот вид анализа нарративов описан российским экономистом В. Ефимовым, который называет его дискурсивным анализом: «Под дискурсивным анализом в экономике мы будем понимать анализ нарративов, имеющих непосредственное отношение к экономическим процессам и явлениям... Например, для того, чтобы изучать финансовые рынки, нужно вступить в контакт с такими профессионалами, как трейдеры... Непосредственный вербальный контакт, в результате которого исследователь получает доступ к определенной истории, и есть для экономической науки, как и для других социальных наук, то, что в естественных науках называется научным экспериментом. Работая с транскриптом бесед-интервью, исследователь формирует концепции и понятия, которые в сжатой форме отражают изучаемое явление и, образовав связную систему, дают исследователю понимание этого явления» [16, с. 26, 29, 31]. Качественному, дискурсивному анализу нарративов может способствовать опыт, накопленный социологической наукой (особенно таким ее направлением, как повествовательная социология), в рамках которой весьма часто «используются текстовые формы описания полученных результатов: тексты опросов, анкет, интервью, сложных социальных нарративов и их не менее сложных интерпретаций, а также видеофильмы, интернет-дискурсы, интернет-мемы, концепты, сетевые блоги, слоганы

и образы социальной рекламы, социальные визитки, фотографии и прочее» [17, с. 42].

Как для количественного, так и для качественного анализа экономических нарративов, благодаря которым и формируется единая междисциплинарная методология нарративной экономики, используются ключевые, объединяющие понятия «репликация» (повторение) и «виральность» (заразность). Как пишет Р. Шиллер: «Заразительная история – это история, которая быстро привлекает внимание и производит впечатление на человека. <...> Заразность зависит от частоты возможностей вставить нарратив в ходе разговора. <...> Возможности заражения могут повысить новые идеи и концепции. Например, скорость распространения нарративов о фондовом рынке, вероятно, увеличилась, когда в 1920-х и 1930-х гг. общественность начала обращать внимание на фондовые индексы. То же самое произошло с эпидемией нарративов о рынке жилья после 1970-х гг., когда агенты по недвижимости и покупатели начали признавать жилищные индексы. В обоих случаях журналисты новостных СМИ в качестве доказательств при написании очередной «захватывающей» истории часто обращались к этим индексам» [2, с. 136–137].

Кроме того, по мнению Р. Шиллера, «мутации нарратива или изменения условий среды, в которых этот нарратив существует, могут превратить его в нарратив экономический, оказывающий непосредственное влияние на экономические решения людей. Мутация также может сделать нарратив более «заразным», изменив при этом историю, лежащую в его основе. <...> Здесь как с шутками и песнями: чтобы нарратив был эффектив-

ным, он должен быть правильно сформулирован и представлен» [2, с. 149, 327]. Иными словами, именно высокая употребительность, повторяемость экономических нарративов позволяет, с одной стороны, использовать количественные подходы к их изучению (аналитику больших данных, n-gram-метод, трендовый анализ, лексико-статистический текстовый анализ и др.), а с другой, опираясь на количественно выраженный уровень заразности того или иного экономического нарратива, можно качественно прогнозировать степень его влияния на принимаемые населением разных стран мира экономические решения. Р. Шиллер убежден, что «изменения поведения потребителей, инвесторов и предпринимателей, иные экономические явления невозможно верно истолковать, не обратившись к нарративной экономике. Развитие нарративной экономики –

это значимый проект и тема для серьезных исследований в будущем» [2, с. 361].

Проведенный анализ развития нарративной экономики дает основания сделать выводы о том, что эта новейшая экономическая теория сформировалась благодаря совместному использованию при проведении нарративных исследований методологических подходов, разработанных в рамках таких разных научных дисциплин, как история экономических учений, нарратология, меметика, экономическая риторика, экономическое макропрогнозирование. В качестве теоретической основы нарративной экономики выступает единая междисциплинарная методология, в которой выделяются, с одной стороны, методологические подходы, а с другой – количественный и качественный анализы экономических нарративов. ■

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Shiller R.J. Narrative economics // *American Economic Review*. 2017. Vol. 107, №4. P. 967–1004.
- Шиллер Р. Нарративная экономика. Новая наука о влиянии вирусных историй на экономические события / пер. с англ. – М., 2023.
- Акерлоф Дж., Шиллер Р. Охота на простака. Экономика манипуляций и обмана / пер. с англ. – М., 2017.
- Зенкин С. Критика нарративного разума // *Новое литературное обозрение*. 2003. №59. С. 524–534.
- Фетисов М. Нарратив и теория в исследованиях советского: значение исследований Н.Н. Козловой для современной политической теории // *Социологическое обозрение*. 2017. Т. 16. №1. С. 227–246.
- Макклоски Д. Риторика экономической науки. 2-е изд. / пер. с англ. – М.; СПб., 2015.
- Ильин И.П. Метарассказ // *Западное литературоведение XX века: энциклопедия*. – М., 2004. С. 251–253.
- Тюпа В. Очерк современной нарратологии // *Критика и семиотика*. Вып. 5. – Новосибирск, 2002. С. 5–31.
- Евстигнеева Н.В., Оберемко О.А. Модели анализа нарратива // *Человек. Сообщество. Управление*. 2007. №4. С. 95–107.
- Brodie R. *Virus of the Mind. The New Science of the Meme*. – London, 2009.
- Докинз Р. Эгоистичный ген / пер. с англ. – М., 2016.
- Нестеренко А. О чем не сказал Уильям Баумоль: вклад XX столетия в философию экономической деятельности // *Вопросы экономики*. 2001. №7. С. 4–17.
- Расков Д. Риторика новой институциональной экономической теории // *Вопросы экономики*. 2010. №5. С. 81–95.
- Вольчик В.В., Цыганков С.С., Маскаев А.И. Формальные институты российской инновационной системы в свете нарративной экономики // *ЭКО*. 2022. №10. С. 110–128.
- Hayes B. Bit Lit: With digitized text from five million books, one is never at a loss for words // *American Scientist*. 2011. Vol. 99, №3. P. 190–194.
- Ефимов В.М. Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки // *Экономическая социология*. 2011. Т. 12, №3. С. 15–53.
- Щербин В.К. Меметика как новая междисциплинарная наука и направление социальной семиотики // *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019. №4. С. 40–47.